

1 (14) июля

Священномученик
Алексий Дроздов

Священномученик Алексей родился 5 октября 1883 года в городе Буй Костромской губернии в семье секретаря городского управления Александра Николаевича Дроздова. Алексей окончил Галичское духовное училище и три курса Костромской духовной семинарии и поступил на должность учителя церковно-приходской школы в селе Судай Чухломского уезда. 22 октября 1904 года в Ипатьевском монастыре он был рукоположен во диакона к Никольской церкви села Никольское-Горицких Нерехтского уезда^а; за литургией епископ Костромской Виссарион (Нечаев), рукополагавший его, сказал слово, проникнутое большой тревогой за победу в шедшей в то время войне и вообще за будущее России, обратив внимание слушателей на причины возможных бедствий. «В среде так называемых образованных людей, – сказал он, – господствует неверие, неуважение к Церкви, ее заповедям, священноначалию. Не только на словах, но и в печати безнаказанно допускается отрицание различия между добром и злом, грехом и негрехом. <...> Что, например, гнуснее плотских грехов, оскверняющих тело и душу? Но нашлись лжеучители, которые прославляют плотоугодие как святое дело и плоть, орудие плотских грехов, называют святой плотью, всячески унижают воздержание от распутства и глумятся над законным браком. Приходится слышать и читать, как дерзко осмеивается любовь к Отечеству, преданность правительству, уважение к судебным учреждениям, преподавание Закона Божия в училищах, подвергаются поруганию основы жизни церковной, семейной, общественной. Для проповедников всех подобных лжемудрований нет ничего священного. <...> Нельзя не признать виновным и то общество, среди которого терпимы эти учения, ибо чем объяснить успех и широкое распространение их в обществе? Ничем иным, как сочувствием к ним общества и отсутствием противодействия им или крайне слабым противодействием с его стороны. Милосердый Господь долго терпел это зло. К прискорбию, оно дошло до такой степени, что терпеть его долее оказалось невозможным. И вот Господь попускает на нас беды и напасти...»

9 ноября 1906 года диакон Алексей был переведен в Богоявленский храм села Красного Костромского уезда, 15 февраля 1910 года – в Троицкий храм завода Лысьва Пермской губернии, 28 марта 1914 года – в храм Кунгурского Иоанно-Предтеченского женского монастыря, 12 июля 1914 года – в храм Рождества Пресвятой Богородицы в селе Четвертиновка Гайсинского уезда Подольской губернии, 8 октября 1916 года – в Михайловский собор в город Ольгополь, настоятелем которого был в то время священник Поликарп Гулевич^б.

С 1917 года диакон Алексей служил в храмах городов Рузы и Серпухова Московской губернии, а с 1922 года на родине – в городе Буй, в Костромской губернии.

С 1928 года отец Алексей стал служить в Спасском храме в селе Ивантеевка Московской губернии, с 1930 года – в церкви Благовещения на Бережках в

^а Ныне село находится в Ивановской области.

^б Священномученик Порфирий (в миру Поликарп Васильевич Гулевич), епископ Симферопольский; память 19 ноября / 2 декабря.

Москве, с 1933-го – в соборе Рождества Пресвятой Богородицы в городе Орехово-Зуеве Московской области, где настоятелем был протоиерей Василий Никольский^с арестованный в ноябре 1937 года, а вторым священником Николай Поспелов^д. За ревностное служение диакон Алексей в 1929 году был награжден двойным орарем, в 1930-м – возведен в сан протодиакона.

9 августа 1937 года благочинный после службы с отцом протодиаконом написал ему благодарственное письмо. «Благоговейнейший отец протодиакон Алексей Александрович! – писал он. – Оканчивая свое служение в Вашем святом храме, полагаю своим приятным долгом выразить Вам искреннюю благодарность за Ваше прекрасное и благоговейное священнослужение, за усердное исполнение Вами всех своих обязанностей, за прекрасную служебную дисциплину, за доброе отношение к прочим членам причта и к моему недостоинству. Все это будет для меня самым отрадным воспоминанием.

Призывая на Вас благословение Божие и молитвенно желая Вам при помощи Господней еще много лет послужить Церкви Христовой, усерднеише прошу не оставить меня в Ваших святых молитвах».

В это время жизнь протодиакона распределялась между служением в храме и уходом за тяжело больными родными. Его супруга, Надежда Афанасьевна, была хронически больна пороком сердца, в 1932 году заболела ревматизмом старшая дочь Ангелина, которой исполнилось только девятнадцать лет, через три года слегла окончательно и всю последующую жизнь уже не вставала с постели. В 1936 году заболела эпилепсией младшая дочь Надежда. И пришлось протодиакону Алексею быть для всей семьи и отцом, и нянькой.

В конце лета 1937 года на Русскую Православную Церковь обрушились беспощадные гонения. 17 ноября протодиакон был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. В качестве свидетелей следователь допросил двух прихожанок собора. Они показали, что знали протодиакона только по служению в храме, но дома у него не бывали; поскольку он вел замкнутый образ жизни, то, естественно, антисоветских проповедей они от него не слышали. Следователь, однако, записал их показания совершенно иначе: будто протодиакон Алексей вел контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию, и дал подписать протоколы допроса свидетельницам; те по малодушию подписались под лжесвидетельствами и, таким образом, оговорили протодиакона.

– Следствие располагает данными о том, – заявил ему после этого следователь, – что вы, будучи враждебно настроенным по отношению к советской власти, среди жителей проводили активную агитацию. Вы это признаете?

– Антисоветской агитации я никогда не проводил, – ответил протодиакон.

– Следствию известно, что вы высказывали террористические взгляды по отношению к руководителям советской власти. Вы это признаете?

– Нет, не признаю.

– Следствию известно, что вы высказывали пораженческие взгляды, провоцируя слухи о войне. Вы это признаете?

– Этого я также не признаю. Я никогда антисоветской агитации не проводил.

– Признаете вы себя виновным в предъявленных вам фактах антисоветской контрреволюционной террористической агитации или нет?

– Виновным себя в антисоветской агитации я не признаю.

^с Священномученик Василий Никольский; память 14/27 ноября.

^д Священномученик Николай Поспелов; память 4/17 февраля.

Через три дня после ареста, 21 ноября 1937 года, тройка НКВД приговорила протодиакона Алексея к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в 1-й лагпункт Суловского отделения Сиблага в Кемеровской области, куда он прибыл 18 декабря.

После того как до заключенных дошло известие о расстреле главы НКВД Ежова, многие, надеясь на торжество справедливости, стали писать прошения о пересмотре дел. 14 апреля 1939 года отправил такое прошение в НКВД и протодиакон Алексей; в нем он писал, что при единственном допросе следователь заявил, что будто бы имеются материалы, обличающие протодиакона в антисоветской агитации. Когда он попросил назвать имена людей, оклеветавших его, а также устроить с ними очные ставки, следователь ему в этом отказал. «Имея на своем иждивении большую семью, – писал протодиакон, – жену с пороком сердца, дочь без движения рук и ног, вторую дочь, страдающую припадками эпилепсии, семью, которая не способна не только работать, но и обиходить себя, я не имел времени [общаться] с людьми и вести с ними какие-либо разговоры, так как все свободное от службы время проводил в своей семье, исполняя обязанности прислуги и няньки <...>. Считаю обвинение против меня ложным, с одной стороны, и, с другой стороны, считая, что суд надо мной без свидетелей и выслушивания моих оправданий, а также без следствия не есть суд правый и справедливый, прошу Комиссариат Внутренних Дел дать распоряжение о пересмотре моего дела...»

10 марта 1940 года супруга протодиакона, Надежда Афанасьевна, также направила в НКВД прошение об освобождении мужа. Сотрудники НКВД выяснили, что следователь, ведший дело протодиакона Алексея, арестован за фальсификацию нескольких дел, одна из проходивших по делу свидетельницы впоследствии была арестована по обвинению в антисоветской агитации, а другая отрицает все написанное в протоколе допроса. Вызванные следователями дополнительные свидетели показали, что протодиакон

Алексий, служа в соборе, антисоветской агитации не вел, а дома они у него не бывали и ни от кого не слышали, чтобы он был антисоветски настроен, – при свалившихся на него бедах это было бы роскошью.

Оказавшись в затруднительном положении, следователь стал вызывать осведомителей из духовенства, чтобы получить дополнительные сведения об отце Алексии. 3 марта 1940 года на протодиакона было заведено дополнительное, литерное, дело, куда стали складываться полученные от осведомителей характеристики.

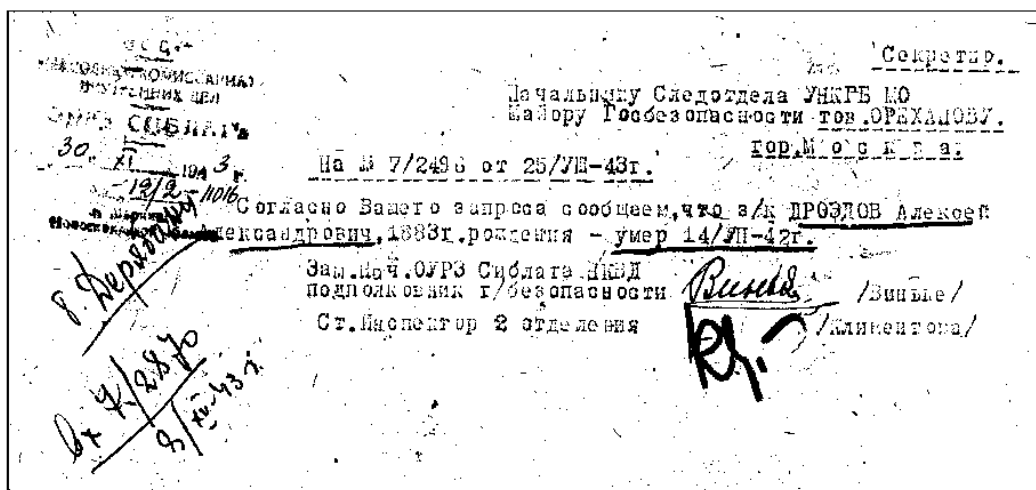
Исходя уже из них, 10 апреля 1940 года было принято новое постановление по делу протодиакона: «Принимая во внимание показания не передопрошенной свидетельницы <...>, а также справки, выданные Московским Патриархатом, в которых Дроздов характеризуется как активный церковник, и что мера наказания, вынесенная в отношении Дроздова, не соответствует тяжести содеянного им преступления, <...> руководствуясь приказом НКВД <...> от 11/X11-1939 года <...>, избранную ему меру наказания <...> снизить до 5 лет ИТЛ».

Лагерная администрация дала отрицательную характеристику на протодиакона: «Работает на общих работах. Отношение к работе плохое, злостный отказчик, поведение в быту плохое, в культмассовой работе не участвует, настроение враждебное. Учитывая плохое отношение к труду, как отказчик, как проявивший себя с плохой стороны за время пребывания в лагере – условно-досрочного освобождения не заслуживает».

15 июня 1940 года дело было рассмотрено заново, и решение о снижении

срока заключения было отменено. «Принимая во внимание <...>, – гласило новое постановление, – характеристики, в которых Дроздов характеризуется как активный церковник <... > и злостный отказчик от работы и враждебно настроенный элемент <...>, руководствуясь приказом НКВД от 23/1У-1940 года, решение тройки <...> оставить в силе».

Протоиерей Алексей Дроздов скончался в Суловском отделении Сиблага 14 июля 1942 года и был погребен в неизвестной могиле. Его семья не знала об этом, и через год, 10 мая 1943 года, дочери протоиерея подали в НКВД прошение об освобождении отца.

Справка о смерти протоиерея Алексея Дроздова

«Просим Вас, многоуважаемый товарищ Народный Комиссар Внутренних Дел, рассмотреть вновь дело нашего отца <...>, осужденного <...> диакона церкви <...>, – писали они. – Наше положение, товарищ Нарком, очень тяжелое, то есть положение двух сестер, инвалидок 1-й и 2-й группы. Одна двенадцатый год больна хроническим ревматизмом и уже девять годов как лежит без движения на одной спине и не в состоянии себе куска хлеба заработать ни физически, ни умственно, но еще ей необходим уход постороннего человека <...>. Другая припадочная – эпилепсия, и притом недоразвита умственно.

Мы, две сестры, до февраля сего года жили на руках матери, но мать умерла 7 февраля 1943 года. Мы, беспомощные калеки, остались круглыми сиротами, на произвол судьбы, <...> без родных, которые могли бы о нас заботиться и оказывать материальную помощь, и без пенсии, и если пока не умираем, так только еще пока осталось кое-что из тряпок и рухляди после покойной матери.

Но этой рухляди ненадолго хватит, а нам приходится еще кроме прожития насущного платить и за уход <...>. Нам, больным, измученным многолетним страданием от наших болезней, не так уж долго придется прожить <...>. И мы просим Вас, дорогой товарищ Нарком, не знаю Вашей фамилии, прошу мне это извинить, как человека просим, не лишеного сердца, пересмотреть дело нашего отца, старика болезненного, помиловать и вернуть к нам, и дать нам хотя немного в жизни этим утешения и радости – хотя умереть вместе. О, как мы будем Вас благодарить и благословлять (простите мне это слово), но я говорю от чистого сердца <...>.

Почему-то я уверена, что наша просьба о помиловании не останется без последствий, не потерпит отказа в возвращении калекам старика отца, ни в чем

